

Я.Г.Шемякин

BRICS: цивилизационная идентичность и императив взаимопонимания

В статье обосновывается позиция, в соответствии с которой появление и последующее существование объединения BRICS обусловлено не только сложившейся в мире в последние десятилетия экономической и социально-политической конъюнктурой, но и факторами долговременного действия. В качестве таковых автор рассматривает факторы цивилизационной идентификации, доказывает, что совершенно различные цивилизации, представленные в BRICS, тем не менее объединяет общая идентификационная стратегия, которая, в свою очередь, базируется на определенной фундаментальной общности духовного склада, проявляющейся несмотря на глубокие отличия цивилизационных традиций участников BRICS.

Ключевые слова: цивилизация, культура, идентификационная стратегия, традиция, модернизация, регионализация.

Совершенно очевидно, что страны, входящие в BRICS (Brasil, Russia, India, China, South Africa), очень сильно отличаются друг от друга. Но столь же очевидно и другое: BRICS существует, это значимая реальность нашего мира. Если это так, значит существуют какие-то факторы, которые способствуют объединению столь разнородных составляющих. Следовательно, необходимо выявить и оценить характер этих факторов. И здесь неизбежно возникает очень четкая альтернатива: либо речь идет о факторах конъюнктурных, действие которых обусловлено только конкретной социально-политической и экономической ситуацией, сложившейся на планете в последние десятилетия (и в этом случае BRICS как конъюнктурное объединение не имеет сколько-нибудь значимых общих стратегических перспектив). Либо для объединения столь непохожих друг на друга стран имеются более глубокие и прочные основы, и в таком случае речь должна идти о факторах долговременного действия. Именно таковыми являются факторы цивилизационной идентификации, т.е. идентификации с

Яков Георгиевич Шемякин — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИИА РАН (shemiakin.yakov@yandex.ru).

наиболее значимыми, укорененными в той или иной традиции ценностными ориентациями, определяющими в конечном счете всю совокупность индивидуальных и коллективных практик во всех сферах жизни людей. Ключевая роль данных факторов признается всеми членами BRICS. И в официальных документах, и в значительном числе работ, посвященных «BRICSовской» тематике неизменно повторяется мысль о том, что социокультурную основу соответствующих стран составляет наследие великих цивилизаций. Можно сказать, что это положение стало уже общим местом. Однако одного этого совершенно недостаточно для обоснования императива взаимопонимания между участниками объединения. В конечном счете взаимопонимание на самом глубоком уровне возможно лишь в том случае, если удастся выделить нечто общее в их цивилизационной идентификации. Так что же объединяет членов BRICS? Можно ли выделить какую-то основополагающую «сквозную» идею, проходящую красной нитью через все принятые членами объединения документы, через все выступления его лидеров? По нашему мнению, такой «сквозной» идеей является принцип, в соответствии с которым центр принятия решений по всем жизненно важным вопросам, относящимся к той или иной общности, должен находиться внутри соответствующих стран, а не вне их, не в западных центрах. Из утверждения этого принципа закономерным образом вытекает, что решение каких-то общих, касающихся всех проблем, выходящих за рамки компетенции и возможностей отдельных государств, должно достигаться в результате реального диалога, с учетом интересов всех заинтересованных сторон.

Таким образом, членов BRICS объединяет общая ориентация на создание полицентрической структуры организации международного сообщества, которая исключает доминанту какого-либо одного центра. Утверждая подобную ориентацию, участники BRICS тем самым выдвигают в качестве приоритетной ценность многообразия человеческого мира, различных культур и цивилизаций. В данном случае общие установки BRICS находятся в полном соответствии с таким основополагающим документом ООН, принятом на 56 сессии Генеральной Ассамблеи в ноябре 2001 г., как «Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями». В документе утверждается необходимость посредством диалога добиться такого положения, «чтобы люди уважали друг друга при всем разнообразии своих убеждений, культур и языков», не подавляли культурные различия, а «пестовали их в качестве ценнейшего достояния человечества». Утверждалась необходимость понимания «богатства и мудрости всех цивилизаций», «выявления и поощрения того, что объединяет цивилизации...»¹. Данные принципы впоследствии были развиты и обоснованы в программных выступлениях тогдашнего Генерального секретаря ООН Кофи Аннана, а также в глобальном проекте «Альянс цивилизаций», обретшим статус политической инициативы ООН². Можно констатировать практически полное совпадение главных программных установок «Альянса цивилизаций» и BRICS. В настоящее время, когда деятельность самого «Альянса» в силу конкретных политических причин несколько «сбавила обороты», BRICS выступает как главная сила на международной арене, нацеленная на конкретное воплощение тех принципов, которые были зафиксированы в документах ООН и «Альянса цивилизаций».

Разумеется, до полного их воплощения еще далеко. Тем не менее очень значим тот факт, что в BRICS представлены крупнейшие цивилизации и основные цивилизационные типы современного мира (великие цивилизации Азии Индия и Китай, «пограничные» цивилизационные общности — Россия, Бразилия, Южная Африка), отношения между которыми развиваются в режиме диалога. И BRICS может рассматриваться как еще далекая от совершенства, но уже работающая модель такого диалога.

Диалог как определенный способ взаимодействия возможен лишь в том случае, если в ходе взаимодействия происходит сближение смыслов, утверждаемых той или иной цивилизационной традицией. Именно это мы имеем возможность наблюдать (несмотря на многочисленные реальные трудности, возникающие в ходе диалога) в BRICS. Ориентация участников объединения на формирование полицентрической структуры организации международного сообщества означает и глубокое изменение самой направленности процесса мирового развития. А именно — изменение соотношения эндогенных (т.е. обусловленных внутренней логикой бытия той или иной цивилизации) и экзогенных (т.е. внешних по отношению к той или иной конкретной общности) факторов эволюции: усиление значения первых и, соответственно, уменьшение силы воздействия вторых. В связи с этим стоит напомнить, что именно с утверждения принципа доминирования экзогенных факторов началось развертывание последнего по времени исторического этапа глобализации (примерно с 80—90-х годов XX в.), что, в свою очередь, выявило цивилизационную подоплеку этого этапа как «вестернизации всего мира» по преимуществу.

В основе геополитической стратегии BRICS лежит общая ориентация на усиление значения эндогенных и уменьшение влияния экзогенных факторов развития. Совпадение позиций по этому пункту, судя по всему, имеет для участников объединения большее значение, чем очевидные различия экономических и политических систем и существующие противоречия между ними.

Из охарактеризованной общей ориентации вытекает и та акцентировка роли национального государства (в противовес распространенным на Западе версиям о «затухании» этого института), которая, несомненно, объединяет всех участников BRICS. Именно такое государство является основным субъектом и институциональным рычагом осуществления тех преобразований (в том числе и в сфере международных отношений), к которым стремятся члены BRICS. В конце концов в институциональном плане BRICS — не что иное, как объединение именно национальных государств.

Точно таким же образом из охарактеризованной общей установки вытекают и преимущественная ориентация на реальную, а не на «сервисную» (финансовую) экономику, и особое внимание, уделяемое развитию внутреннего рынка (наряду с активной экспортной политикой Китая, Индии и Бразилии). Опора на собственную культурную традицию дает систему ценностного обоснования охарактеризованной «эндогенной» ориентации во всех ее конкретных проявлениях.

Одним из институциональных выражений данной ориентации, наряду с возрождением на новой основе национального государства, стал процесс регионализации. Заметное усиление на рубеже тысячелетий тенденции к созданию крупных региональных объединений, по свидетельству многих ученых и аналитиков, явилось закономерной реакцией на процесс глобали-

зации: на чрезмерность внешних воздействий, диспропорции мировой экономики и нарастающий гегемонизм в мировой политике. Регионализация (т.е. создание нескольких взаимодействующих и конкурирующих интеграционных группировок) означает ориентацию на создание полицентричной структуры управления мировой системой связей, т.е. альтернативный глобализации способ организации данной системы в условиях интенсификации и «уплотнения» этих связей. Условиях, в которых утвердить собственную неповторимую индивидуальность перед лицом нивелирующих тенденций мирового развития может лишь тот народ, та культура, которые смогли объединиться с другими, родственными или в чем-то близкими им народами и культурами. В этом контексте императив достижения взаимопонимания различных цивилизационных традиций в рамках BRICS приобретает особое значение.

Общее понимание характера и задач процесса модернизации является следующей важнейшей общей чертой, объединяющей членов BRICS, и одновременно отделяющей их от «коллективного Запада». В научной среде уже достаточно давно преобладает стремление к преодолению евроцентризма, однако на уровне официального идеологического и политического дискурса Запад склонен считать свою модель модернизации оптимальной и в связи с этим универсально значимой, а потому и «обязательной к исполнению» для всех, кто стремится идти в ногу со временем. Все без исключения члены BRICS выдвигают на первый план идею органического синтеза ценностей модернизации и собственной цивилизационной традиции. По нашему убеждению, есть все основания говорить о том, что эта идея лежит в основе общей идентификационной стратегии BRICS. Для всех них характерны: признание того, что вне такого рода синтеза невозможно решить основные проблемы развития соответствующих стран и регионов; убеждение в том, что одинаково значимы обе составляющие синтеза — не только ценности обновления, но и собственное цивилизационное наследие. Общим также является признание того, что это наследие не может сохраняться в неизменном виде, необходим активный поиск тех его элементов, которые совместимы с модернизацией или, во всяком случае, не противоречат ей. Идея прямого, без учета местной специфики, переноса западных по происхождению институтов и ценностей модернизации на социокультурную почву стран BRICS более или менее решительно отвергается. Общим является убеждение в том, что интерпретация как ценностей традиции, так и ценностей модернизации должна быть творческой — только в этом случае их органический синтез может стать реальностью.

Формирование общей идентификационной стратегии оказалось возможным в силу того, что при всей разнице традиций участников BRICS в самой глубинной основе их цивилизационного строя лежит нечто общее, некий общий комплекс ценностей, причем потенциально совпадающих по своей основной исторической направленности с ценностями модернизации. Краеугольным камнем всех представленных в BRICS цивилизационных традиций явилось духовное наследие «осевого времени» (по концепции крупнейшего мыслителя Карла Ясперса). Речь идет о том удивительном периоде в истории (приблизительно между 800—200 гг. до н.э.), когда почти одновременно (по макроисторическим меркам) в ведущих центрах Евразии (Индии, Китае, Палестине, Иране и Элладе) возникли все основ-

ные направления философской мысли и наиболее исторически значимые религии и религиозно-философские системы (буддизм, конфуцианство, даосизм, зороастризм, религия еврейских пророков, духовно-мировозренческий комплекс, воплощенный в «Упанишадах»), а также были заложены предпосылки возникновения христианства, ислама и индуизма, в которых основные идеи «осевого времени» получили дальнейшее развитие и новое истолкование. Базовые компоненты наследия «осевого времени» прослеживаются и в различных версиях христианства (в том числе католицизма и протестантизма в Бразилии, православия в России, протестантизма в ЮАР), и в трех основных составляющих традиционной духовной культуры Китая — конфуцианстве, даосизме и китаизированном буддизме, и в индуизме.

Для осуществления синтеза собственной традиции и ценностей модернизации ключевое значение для неевропейских цивилизаций имеет решение проблемы личности, ее активности. То или иное решение этой проблемы всегда связано с самыми глубокими основами мирозерцания человеческой общности. И в этом плане решающее значение имела и имеет «общеосевая» идея сопричастности каждого человека (через его бессмертную душу) духовному Абсолюту — нетленной сердцевине всего сущего. Из этой идеи непосредственно вытекало утверждение высокого статуса человеческой личности в мироздании, что нашло отражение в развитии критического творческого мышления, преодолении инерции автоматического следования традиции, недоверия к нововведениям, в конечном счете — в утверждении права на свободный выбор, на самостоятельный поиск собственного пути в жизни. Разумеется, связь человека и Абсолюта совершенно по-разному трактовалась представителями различных традиций. Однако принципиальное значение имел и имеет сам факт признания ключевого значения этой связи для человеческой жизни во всех ее проявлениях. *Именно на принцип сопричастности каждого человека духовному Абсолюту, утверждаемый всеми мировыми религиями, в конечном счете опирались те составляющие духовного наследия представленных в BRICS цивилизаций, которые так или иначе акцентировали значимость личностного начала. Нужно особо отметить, что подобная акцентировка ни в одной из традиций, представленных в BRICS, никогда не выливалась в абсолютный индивидуализм западного типа. И в конфуцианстве, и в индуизме, и в российском православии, и в католической традиции Бразилии (как в исторических, так и в современных их вариантах), и в идеологии «убунту», утверждающей на официальном уровне идею африканской самобытности в ЮАР, неизменно подчеркивается, что личность может в полной мере реализовать себя лишь в рамках той общности, к которой она принадлежит, что индивидуальная активность должна проявляться в творческой интерпретации традиции без разрыва с ней. Если же такого рода разрыв имеет место, личностная активность приобретает разрушительный характер.*

Комплекс ценностей модернизации, первоначально сложившийся в Западной Европе к XVII—XVIII вв., опирался на две главные основы: принцип индивидуальной свободы выбора во всех сферах деятельности и рациональный подход к миру. Традиция «осевого времени» утверждала качественно новую, гораздо более значительную, чем раньше, роль личности и,

соответственно, человеческого разума. Подобная направленность прямо совпадает по своему историческому вектору с модернизационным импульсом. *И в «осевом» наследии всех без исключения членов BRICS наличествует рационалистическая традиция, повсюду пробивавшая себе дорогу через преодоление антирационалистической контртенденции. Так, несмотря на глубокое недоверие к человеческому разуму в мистико-аскетических традициях как православия (византийского происхождения и характера), так и ортодоксального католицизма, в обоих случаях в конечном счете проявилось общехристианское начало, в котором изначально было заложено стремление к познанию: если мир — творение Божье, то долг верующего христианина раскрыть «зашифрованные» в окружающей действительности замыслы Творца.*

И в китайской, и в индийской цивилизациях престиж знания и статус людей знания всегда был исключительно высоким, что, несомненно, способствовало рациональному восприятию ценностей модернизации первоначально западного происхождения. В данном контексте хотелось бы обратить особое внимание на одно важное обстоятельство. Интеллектуальные традиции Китая, Индии, России, Бразилии и ЮАР очень сильно отличаются друг от друга. Однако их объединяет одна сущностная черта, которая вместе с тем резко отличает их от преобладающего на Западе типа рационализма. Речь идет о так называемой формальной рациональности, в которой, как убедительно показал впервые употребивший эту формулировку немецкий мыслитель Макс Вебер, наиболее полно проявился «дух капитализма»³. Если обобщить выводы самого Вебера и представителей «веберовского ренессанса» 70—80-х годов XX в., то можно выделить три признака этого типа рациональности:

— убеждение в том, что количественная характеристика любой вещи (явления, процесса) — это исчерпывающая ее характеристика, при этом никакие качественные определения не имеют значения («всеобщая калькулируемость»);

— раз все можно сосчитать, значит все можно познать, никаких тайн, недоступных «свету разума», нет и не может быть в принципе; говоря словами Вебера, «мир расколдован» («всеобщая познаваемость»);

— полностью «просчитанный», познанный мир управляем, во всяком случае, в той его части, которая доступна человеку («всеобщая управляемость»)⁴. Как совершенно справедливо отмечала известный отечественный философ Пиима Павловна Гайденко, «формальная рациональность» — это рациональность как самоцель⁵, рацию полностью замкнул в данном случае на себя.

Этот тип рациональности, неотделимый от капитализма, наложил, бесспорно, мощный отпечаток на весь мир, в том числе и на нынешних участников BRICS, и продолжает осуществлять духовную экспансию по сей день. Однако никогда, ни на одном из этапов истории, он не мог полностью подавить иные виды рациональности, существующие в духовном космосе неевропейских цивилизаций. При всей огромной разнице между конфуцианской рациональностью Китая, индуистской рациональностью Индии, иберокатолической рациональностью Латинской Америки, в том числе и Бразилии, попытками обосновать особый «африканский» тип мышления в рамках концепции «убунту» в Южной Африке, православным рацио

России, опирающемся на византийское наследие, все они принадлежат к одному типу. Это — разновидности рациональности, которую вслед за Вебером можно назвать «ценностной»: здесь ключевое значение придается качественным характеристикам объектов действительности, всегда присутствует представление о некоей высшей цели, которая в конечном счете придает смысл формально-рациональным процедурам. Этот тип рациональности не замкнут на себя и потому открыт для разнообразных путей и способов коммуникации с противоположным полюсом духовного космоса — верой.

Не следует, конечно, думать, что капиталистическая формальная рациональность — это нечто внешнее по отношению к незападному миру. Она, несомненно, в той или иной степени укоренилась и в Китае, и в Индии, и тем более в Латинской Америке, России и Южной Африке.

Одна из главных коллизий, развертывающихся в духовном пространстве BRICS, — это столкновение, взаимное переплетение и конфликтное взаимодействие двух качественно различных типов рациональности — формальной рациональности западного происхождения и характера и ценностной рациональности, опирающейся на духовное наследие соответствующих неевропейских цивилизаций.

Охарактеризованная выше общая идентификационная стратегия, ориентированная на синтез собственной цивилизационной традиции и ценностей модернизации, опирается на общий тип рациональности — ценностную рациональность. То, что этот тип объединяет всех членов BRICS, свидетельствует о наличии некоей фундаментальной (при всех различиях) общности подхода к миру и к жизни, что позволяет сделать вывод о наличии важнейшей предпосылки для достижения взаимопонимания не только на конъюнктурном, но и на самом глубоком, цивилизационном уровне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Организация объединенных наций. A/res/56/6. Генеральная Ассамблея. 21 November 2001. Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями, с. 2. — [www/un/org/\(Russian\)/peace/culture/index/shtml](http://www/un.org/(Russian)/peace/culture/index/shtml). Цит. по: И.В.С л е д з е в с к и й. Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики. — Диалог в полицентричном мире: Философско-культурные, исторические, политические и коммуникативные проблемы. М., 2010, с. 137.

² См. подробнее: «Альянс цивилизаций» (трудный диалог в условиях глобализации). М., 2010.

³ М.В е б е р. Избранные произведения». М., 1990.

⁴ Я.Г.Ш е м я к и н. Вера и рацио в духовном космосе латиноамериканской цивилизации. — Латинская Америка, 2007, № 3, с. 89—90; е г о ж е. Россия в западном восприятии (специфика образов «пограничных» цивилизаций). — ОНС, 2008, № 1, с. 133.

⁵ П.П.Г а й д е н к о. Социология Макса Вебера. — М.В е б е р. Избранные произведения. М., 1990, с. 23—24.